

Глеб Иванович Успенский

Петькина карьера

Кой про что

Глеб Успенский
Петькина карьера

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Петькина карьера / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1885 — (Кой про что)

«...В рассказе «Петькина карьера» Успенский, в противоположность народникам, дал выразительную картину нищей семьи безземельного крестьянина, разрушения натурального хозяйства деревни перед развивающейся силой «власти денег» и бегства крестьян из деревни в город за заработком...»

Глеб Иванович Успенский

Петькина карьера

В этот же приезд в деревню были у меня неожиданности и не только по случаю «урожая». Вот, например, Петька – маленький нищий мальчонка – также весьма удивил меня неожиданной переменой в его жизни.

Смотрел я на Петьку и дивился – на нем новый картуз в сорок копеек, каляная ситцевая рубашка, а сапоги, хотя и отцовские, но посмотрите и полюбуйтесь, с какою необыкновенною развязностью отставляет он ногу в этом неуклюжем отцовском сапоге, полюбуйтесь, с какою ловкостью фабричного щелкает он семечки, как небрежно, фатовски выплевывает направо и налево скорлупу!

Право, Петька решительно неузнаваем с тех пор, как я видел его в последний раз, то есть года полтора тому назад.

Главное, что меня заинтересовало в Петьке, это не картуз и не каляная рубашка, а именно подъем духа, нравственное перерождение, которых я никак не мог объяснить себе! «Какая сила переродила забитого, загнанного, пришибленного Петьку и вдохнула в него душу живую?» – спрашивал я себя и, не находя ответа, обратился за разрешением вопроса к одному из крестьянских мальчиков, игравших в «рюхи» посреди лужайки, в то время когда я и Петька были посторонними зрителями этой игры.

– Федя! – сказал я. – Какой наш Петька-то стал!

– А ты как думал? Он, Петька-то, теперь деньги зарабатывает!

– Каким образом?

– Спички делает! Он теперь, Петька-то, фабричный стал! Ишь форсит! Свои деньги у него! Ишь семечек-то сколько! То и дело по карманам шарит, точно миллионщик.

Петька покосился в нашу сторону, поглядел на нас, и поглядел так, как будто хотел оказать: «а мне наплевать», и, изогнувшись набок, запустил руку глубоко в карман, а затем, поплеывая шелуху, продолжал забавлять себя зрелищем игры своих сверстников.

«Наконец! – подумалось мне. – Наконец и бедный Петька выбрался на свою дорогу! Нашел путь к своей, Петькиной, карьере!»

Он теперь, очевидно, навеки фабричный, машинный человек! Да и чем бы он был, бедняга, если бы не пришел какой-то шведский человек и не подобрал этих Петек, этих лишних людей крестьянства?

Скучно, страшно, холодно в захудалом дворянском доме, в захудалой дворянской семье, но в захудалой крестьянской семье страшно и холодно до ужаса! Какая угнетающая душу и мысль тоска и пустота, а главное, бессмыслица веет от этого хлама, который там и сям валяется на разоренном дворе! Что такое означают эти старые оглобли, эти два сломанных колеса, эта бочка, разохшаяся и развалившаяся? Зачем этот пустой хлев, эти ворота на одной петле, эти пустые кадки, шайки с признаками корма и следами капусты? В доме нет *силы*, нет тепла, цели в труде, и весь этот хлам ужасает своею бессмыслицею, тяжеловесностью, топорностью, а главное – полнейшею невозможностью найти в своем сознании какую-нибудь связь бездушного хлама с удручающим испугом пред жизнью, пред белым днем, пред каждым живым человеком.

Петькин двор и Петькина семья были, на моей памяти, именно такими захудалыми. Не было в доме *силы на крестьянство*; были у Петьки и отец и мать, но не задалась их совместная жизнь. Не было в Петькином отце силы и страсти поднять «крестьянство». Его худое, долговязое, бессильное тело не было согрето необходимым для крестьянства запасом огня, горячей страстью преодолеть, совладать с огромнейшим делом; он был какой-то простывший, а главное, сам отлично знал, что в нем нет силы, тепла, и был поэтому злой, недовольный всегда; он знал, что жена его, женщина двужильная, огненная, неоцененная для кипучей работы,

должна с ним только измаяться, исчахнуть, «избиться» без толку, разорваться на части, ничего не сделав путного... И он едва ли не со дня своей женитьбы «чуял» всем существом своим, что из совместной жизни их ничего «не выйдет». Да не только чуял, он знал это твердо и с сердцем глядел, как огневая сила его бабы тратится в пустых амбарах, гремит в пустых горшках и бочках... «Не выйдет!» Этого не забывал он ни на минуту и, голодный, «пахнувший» водкой, был постоянно злобен и тогда, когда его баба рожала, и тогда, когда она хоронила, и тогда, когда радовалась теленку и когда металась как полоумная в минуты полнейшей нищеты. Он не бил бабы даже в пьяном виде, но постоянно носил с собою холодное отчаяние, холодное презрение ко всевозможным усилиям своей бабы оживить холодный и пустой дом. Страшно было смотреть на эту рослую, черноволосую, когда-то красивую женщину; она, очевидно, действительно потеряла возможность понимать свое существование; глаза ее широко раскрыты, волосы растрепаны, грудь ее расстегнута, и в таком виде она мечется и по дому и по деревне, выпрашивая пучок луку и таская на обеих руках по ребенку! Всегда она босиком, и даже не в ситцевой юбке «по-нонишнему», а в матерниной домотканной паневе, точно явилась с того света; и эту-то огневую бабу непрестанно «ополоумливал», так сказать, ее долговязый, холодный муж, замерзший внутренно для всякой надежды жить по-крестьянски. А если нет в крестьянском доме силы и огня для того, чтобы был в ходу весь механизм крестьянской жизни, — что же там остается? Обездушено и обесмыслено все до последнего котенка... Все не имеет смысла, и жизнь ужасна непроглядным ужасом бессмыслицы...

Петькин отец плотничал, но всегда случалось как-то так, что работа ему выпадала в самое неподходящее время. Всякую «настоящую» работу обыкновенно успевают переделать за лето плотники пришлые, люди, знающие свое дело. Петькину отцу всегда доставалось то, что не успели переделать плотники заправские, то есть мелочи и пустяки: вставить в окно косяк, исправить крышу, починить погреб. И всегда эта недоделанная работа доделывалась в самое неблагоприятное время, осенью, в холод, в мороз, в дождь и ветер. Сердитый осенний ветер и сердитый Петькин отец, оба, как на грех, всегда встречались вместе на ничтожном осеннем заработке; мороз точно нарочно сковывает и без того бессильные руки Петькина отца, и Петькин отец со злобой кое-как тяпает топором по дереву, ругая это дерево самыми отборными словами, а в ответ на эти ругательства ветер вырывает из-под бессильного топора и самое бревно. «Чорт! — слышится на такой работе, — дьявол тебя возьми». «Ишь чорт!» — говорит мужик, нанявший Петькина отца, глядя на его нескладную работу. «Ишь лысый чорт! — ворчит Петькин отец, косясь на мужика-заказчика, — за полтинник тебе столярную работу подавай!» И сделавши работу скверно, обруганный хозяином и обругавший хозяина в свою очередь, Петькин отец с бранью пьет в кабаке косушку, с бранью идет домой и в холодной избе, сам весь холодный и голодный, сердито дышит холодной сивухой, ругаясь на всех и вся и лежа на холодной печи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.